

№ 1

журнал критики и литературоведения

ВОПРОСЫ литературы

январь — февраль

2025

13 / Читатели и слушатели в «Дон Кихоте»

57 / Роберт Фрост и его «Служанка слугам»

130 / «Гроссман к Гроссману летит...»

108 / Почему Мочалов «свиристствовал» на сцене в роли Ромео?

171 / К вопросу о датировке событий, описанных
в романе «Мастер и Маргарита»

ISSN 0042—8795

журнал основан в 1957 году

ПОЭТИКА ЖАНРА

- 13 **М. Смирнова.** Читатели и слушатели в «Дон Кихоте»

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 37 **М. Иванкина.** «Миссис Дэллоуэй», вышивальщица
Лагтон и все звери мира. История одной безымянной рукописи
Вирджинии Вулф

/ Над строками одного произведения

- 57 **Е. Евдокимова.** Роберт Фрост и его «Служанка слугам»

/ «Только детские книги читать»

- 77 **В. Гринфельд.** Сквозь червоточины к звездам. Стивен
Хокинг

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

/ Лица современной литературы

- 94 **Е. Щеглова.** Гоголя на десерт, пожалуйста! Сергей Арно

СИНТЕЗ ИСКУССТВ

- 108 **Е. Луценко.** Почему Мочалов «свирепствовал» на сцене
в роли Ромео? Из истории русского шекспироведения:
«Ромео и Юлия»... как мелодрама для бенефиса

ФИЛОЛОГИЯ В ЛИЦАХ

/ Виктор Азриэлевич Гроссман

- 130 **И. Шайтанов.** «Гроссман к Гроссману летит...»
- 143 **Л. Солодухина.** Заявление В. А. Гроссмана народному
комиссару внутренних дел СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА

- 154 **Е. ДЗАПАРОВА.** Михаил Булгаков и Владикавказ. Пьеса «Сыновья муллы» и ее осетинский перевод

ГИПОТЕЗЫ

- 171 **В. ОРЛОВ.** К вопросу о датировке событий, описанных в романе «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

КНИЖНЫЙ РАЗВОРОТ

- 186 Franziska Thun-Hohenstein. Das Leben schreiben. Warlam Schalamow. Biographie und Poetik (**А. ЖЕРЕБИН**)
- 192 «Тебя мне память возвратила...»: Книга воспоминаний о Давиде Самойлове (**А. ДЕМАХИН**)
- 198 Эдуард Лукоянов. Отец шатунов. Жизнь Юрия Мамлеева до гроба и после (**Д. КУЛИКОВА**)

THE POETICS OF GENRE

- 13 **M. SMIRNOVA.** THE READERS AND THE LISTENERS
IN *DON QUIXOTE*

WORLD LITERATURE

- 37 **M. IVANKIVA.** *MRS DALLOWAY*, THE SEAMSTRESS LUGTON, AND ALL
THE ANIMALS OF THE WORLD. The story of an untitled Virginia Woolf
manuscript

/ Close Reading

- 57 **E. EVDOKIMOVA.** ROBERT FROST AND HIS 'A SERVANT TO SERVANTS'

/ 'Only children's books to read'

- 77 **V. GRINFELD.** THROUGH WORMHOLES TO THE STARS. Stephen
Hawking

RUSSIAN LITERATURE TODAY

/ Contemporary Literary Personalities

- 94 **E. SHCHEGLOVA.** AND LET ME GET SOME GOGOL FOR DESSERT!
Sergey Arno

SYNTHESIS OF THE ARTS

- 108 **E. LUTSENKO.** WHY DID MOCHALOV 'RAGE' AS ROMEO? From the
history of 'Russian Shakespeare': *Romeo i Yuliya* as a melodrama
for a benefit performance

PEOPLE IN PHILOLOGY

/ Victor Azrielevich Grossman

- 130 **I. SHAYTANOV.** 'GROSSMAN RACES TO GROSSMAN...'
143 **L. SOLODUKHINA.** V. GROSSMAN'S APPEAL TO THE PEOPLE'S
COMMISSIONER OF INTERNAL AFFAIRS OF THE USSR

LITERARY MAP

- 154 **E. DZAPAROVA.** MIKHAIL BULGAKOV AND VLADIKAVKAZ. The play *The Sons of the Mullah* [Synovia mully] and its Ossetic translation

HYPOTHESES

- 171 **V. ORLOV.** TOWARDS THE QUESTION OF DATING THE EVENTS DESCRIBED IN *THE MASTER AND MARGARITA*

DOUBLE-PAGE SPREAD

- 186 Franziska Thun-Hohenstein. Das Leben schreiben. Warlam Schalamow. Biographie und Poetik (**A. ZHEREBIN**)
- 192 ‘My memory brings you back to me...’: A book of reminiscences about David Samoylov (**A. DEMAKHIN**)
- 198 Eduard Lukoyanov. The father of shatuns. Yury Mamleyev’s life to the grave and afterwards (**D. KULIKOVA**)

DOI: 10.31425/0042-8795-2025-1-130-142

«ГРОССМАН К ГРОССМАНУ ЛЕТИТ...»

ИГОРЬ ОЛЕГОВИЧ ШАЙТАНОВ

доктор филологических наук

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., д. 6;
email: voplit@mail.ru)

Аннотация. В данной статье И. Шайтанов, откликаясь на выход двухтомного собрания работ литературоведа, пушкиниста В. Гроссмана, вспоминает о своих личных встречах с ним, одновременно восстанавливая важные вехи его биографии и анализируя литературоведческие работы. В итоге в статье воссоздается подробный, объемный образ Гроссмана как ученого и человека.

Ключевые слова: В. Гроссман, А. Пушкин, мемуары, литературоведение, пушкинистика.

Статья поступила 29.07.2024.

© 2025, И. О. Шайтанов

DOI: 10.31425/0042-8795-2025-1-130-142

‘GROSSMAN RACES TO GROSSMAN...’

IGOR O. SHAYTANOV

Doctor of Philology

Russian State University for the Humanities,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

(6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation;

email: voplit@mail.ru)

Abstract: The article is written in response to the 2-volume publication of Victor Grossman (1887–1978), a writer and scholar active on Moscow literary scene in the 1920s–1930s, whose career was rudely interrupted by two successive arrests in 1938 and 1948. Born of a well-off Jewish family in Odessa, Victor was happy to make friends at the gymnasium with Boris Zhitkov, Korney Chukovsky, Vladimir Poplavsky, and his own first choice was a philological faculty. But then he took up law and had a remarkable career as a lawyer, which afterwards he left for literature. He had developed a reputation as an expert on Pushkin’s life and work and wrote adaptations for stage of Pushkin’s prose till he suffered an abrupt end to his activities. The article presents Grossman’s life after his liberation from camp in 1955 when he settled down in the city of Vologda. In the new collection, one volume incorporates Grossman’s works on Pushkin written in his later years and mostly never published. The other is given to nonfiction: memoirs by Grossman, his correspondence with old friends and people involved in the not-so-easy-going publication of his novel on Pushkin — *Arion*. I. Shaytanov also shares a story of his personal acquaintance with Grossman.

Keywords: V. Grossman, A. Pushkin, a memoir, literary criticism, Pushkin studies.

The article was received on 29 July 2024.

© 2025, I. O. Shaytanov

В Вологде его звали Виктором Азарьевичем, но первый же из его знакомых по московской литературной жизни 1920–1930-х годов — Дмитрий Дмитриевич Благой, к которому я обратился с вопросом о Гроссмани, — даже с некоторым возмущением меня поправил: «У него красивое библейское отчество — Азриэлевич. Конечно, помню: он был заметной фигурой».

Наводить справки среди старых московских литераторов, признаюсь, я начал после нескольких мемуарных бесед с Виктором Азриэлевичем Гроссманом (1887–1978) года за два до его смерти, когда ему было под девяносто. Память изумительная, адвокатская — сыпал именами, фактами, читал стихи, отдавая дань возрасту, кажется, только в повторах. Прежние знакомства были разнообразными и блестящими, начиная с соучеников и друзей по одесской гимназии на рубеже XIX и XX веков: Борис Житков, Коля Корнейчуков (Корней Чуковский), Владимир (Зе'ев) Жаботинский (который, по словам Гроссмана, придумал Коле его великий псевдоним)... Первый свой рассказ принес Короленко... Затем бурная московская жизнь адвоката и литератора вплоть до первого ареста в марте 1938-го: припомнили, что еще до октября 1917-го он был гласным в Московской думе от партии эсеров. Осудили за «контрреволюционную деятельность» в Московской коллегии защитников (адвокатов)¹.

С Гроссманом я был знаком буквально с первых дней своей жизни, чего, конечно, помнить не могу. Он вместе с освобождением из лагеря в мае 1946-го получил «минус» — запрет жить в столицах. Выбрал Вологду, приехал, женился (на дочери своего солагерника — адвоката Б. Бердичевского, из-за чего жестоко с ним рассорился), родил дочь Ольгу, начал преподавать в пединституте. И поселился в одной квартире с моими родителями в общежитии пединститута на Лермонтова, 9.

Тогдашнее знакомство не затянулось: в мае 1948 года Гроссмана арестовали повторно. Он вернулся спустя ровно семь лет и уже окончательно поселился в Вологде. Снова преподавал и был деятельным участником вологодской культурной жизни и одним из трех отцов-основателей (вместе с В. Гурой и С. Викуловым) вологодской писательской организации, породившей (но это без его участия) известную литературную школу.

---

1 О лагерной одиссее Гроссмана см. ниже в публикации Л. Солодухиной.

Выпущенный вологодским издательством двухтомник [Гроссман 2023] представляет жизнь и творчество писателя с небывалой ранее подробностью, хотя в нем и отсутствует прижизненно изданный роман о Пушкине — «Арион».

Материал по томам распределен в отступление от традиции, когда в первом томе — произведения, в последнем — документальные материалы. Первый том здесь — документальный. Обширный биографический очерк составителей (во втором томе он дополнен заключающей его «основными датами» своего рода летописью; II, 594–613). За очерком следуют воспоминания Гроссмана «Минувшие дни» (с. 56–204), предваряемые текстом «Из предисловия» К. Чуковского к первой (далеко не полной) их публикации (журнал «Север», 1966, № 4). Затем — раздел «Документы к биографии В. А. Гроссмана» (с. 228–285) и «Воспоминания» о нем.

Узнав, что я пишу свои мемуары, кое-кто из близких спросил:

— Ты пишешь воспоминания, что же ты особенное видел?

Я мог бы ответить, что видел Сталина и Максима Горького, Станиславского и Немировича-Данченко, Луначарского и Отто Юльевича Шмидта, Вахтангова и Леонидова, Демьяна Бедного и Есенина, Короленко и Гольденвейзера, что к этому перечню я мог бы прибавить длинный ряд имен... (I, 89–90)

Мог бы Виктор Азриэлевич добавить и о тех, кого не просто видел, а общался, был связан общей работой. Он пишет не для того, чтобы обогатить известные биографии новыми материалами, «а потому, что видел на протяжении десятков лет жизнь обыкновенных людей в *необыкновенных* (выделено автором. — И. Ш.) обстоятельствах» (I, 90).

Разделы воспоминаний Гроссмана посвящены годам учения: гимназия в Одессе (окончил в 1905 году с золотой медалью), поучился на филологическом и юридическом факультетах Новороссийского университета, на философском — в Лейпциге (декабрь 1905-го — декабрь 1907 года), летом 1906-го в течение трех месяцев посещал семинар по Бальзаку в Сорбонне... Несколько фрагментов из московской жизни — «Встречи с Горьким. Год 1932-й»... Наиболее подробная часть — «Московский Художественный театр. Его основатели, деятели и последователи...».

Подробность театральной части воспоминаний объясняется тем, что, постепенно отходя от адвокатской практики, Гроссман профессионально занимается Пушкиным и делает

несколько театральных инсценировок к юбилею 1937 года, которые идут на сцене: по «Повестям Белкина», наиболее удачную и часто привлекающую театры — по «Дубровскому». Афиша этой постановки в театре Вахтангова (1937) включена в подборку фотографий, завершающую второй том, в котором впервые (если не считать их текстов, размноженных для театров) эти инсценировки напечатаны.

Половину первого тома составляет обширная (хотя далеко не полная) «Переписка» Гроссмана с писателями и издателями (с. 306–667). Несколько ранних писем из 1930-х: записка Гроссмана Евдоксии Федоровне Никитиной; несколько ее писем из более позднего времени — из 1960-х.

Затем переписка по поводу архива А. Сухово-Кобылина, им Гроссман занимался в основном с юридической стороны: его книга «Дело Сухово-Кобылина» появилась в Гослитиздате в 1936-м. В полемике со своим давним приятелем, еще по Одессе, и однофамильцем Леонидом Гроссманом Виктор отстаивал невиновность Сухово-Кобылина в деле об убийстве француженки. Полемика получила резонанс, засвидетельствованный «пушкинским» экспромтом Э. Кроткого, произнесенным в доме у Е. Никитиной («Никитинские субботники») после доклада Леонида Гроссмана и ответа ему Виктора Гроссмана:

Гроссман к Гроссману летит,
 Гроссман Гроссману кричит:
 «Гроссман! где б нам отобедать?
 Как бы нам о том проведать?»
 Гроссман Гроссману в ответ:
 «Знаю, будет нам обед;
 В чистом поле под ракитой
 Труп француженки убитой».

Первое письмо К. Зелинскому также помечено 1936-м. Оно — по поводу гранок книги В. Вересаева «Спутники Пушкина», присланной Гроссману на проверку и как автору предисловия (книга вышла в 1937-м). Последующая переписка с Зелинским из 1950–1960-х посвящена роману Гроссмана «Арион».

Эта длинная история растянулась почти на десять лет — с конца 1950-х годов, когда роман был представлен в издательство, до его публикации («Советский писатель», 1966). Сама по себе довольно обычная история издательского процесса советского времени с рецензированием, обсуждением, включением в план

и исключением из плана то по художественным, то по идеологическим причинам, то потому, что исчерпан лимит бумаги на этот год... Ее особенность, возможно, лишь в том, что данная история ввиду проживания автора вне Москвы задокументирована и теперь опубликована. Может быть, еще потому, что речь идет о некогда известном литераторе, спустя двадцать лет возвращающемся в литературу, которого готовы поддержать патриархи издательского процесса или руководители Совписа: Е. Книпович, Зелинский, Л. Левин. Каждый читает, пишет рецензию или заключение, одобряет в целом, делает замечания или предлагает правку...

Текст им кажется интересным, чтение его даже увлекательным, но теперь уже старый литератор не во всем отвечает изменившимся требованиям. Нет, Гроссман вполне знает идеологические правила и принимает их. Когда-то он сам ими оперировал, скажем, в рецензии на книгу Н. Ашукина «Живой Пушкин» (1936). В целом он согласен с подходом; он сам тогда и позже стремился говорить о «живом Пушкине», погружаясь в его эпоху и язык. Справедливо намерение, но недостаточно понимание вопроса. «Знание языка, биографии, эпохи необходимы» для понимания Пушкина, как и любого другого, однако главное не в этом: «Непонятное у Пушкина коренится глубже: в специфике его творчества и в политических условиях его эпохи» (II, 428). А назвал тогда свою рецензию Гроссман «Без методологического стержня» (1936).

Так что Гроссман о «методологическом стержне» помнил, но, помимо того, всегда интересовался историей, стремился вписать биографию в поток больших и малых событий, представить Пушкина во времени, в творчестве и «живым» — в бытовой и личной жизни. «Живой Пушкин» был вполне в традиции тех лет, когда Гроссман входил в пушкиноведение. Книгу Ашукина он отрецензировал, к «Спутникам Пушкина» Вересаева (1937) написал предисловие... Это было частью коллективного усилия памяти того поколения, по поводу чьего отношения к Пушкину говорил в 1921 году В. Ходасевич:

Той непосредственной близости, той задушевной нежности, с какой любили Пушкина мы, — грядущие поколения знать не будут. Этого счастья им не будет дано. Лицо Пушкина они уже не увидят таким, каким мы его видели. Это таинственное лицо, лицо полубога, будет меняться <...> И кто знает, что прочитают на нем грядущие люди, какие открытия они сделают в мире, созданном Пушкиным? Быть может,

они разгадают то, чего мы не разгадали. Но многое из того, что видели и любили мы, они уже не увидят [Ходасевич 1991: 47].

Ходасевич родился в 1886 году. Гроссман годом позже — он того же поколения, сохранившего «задушевную нежность» в интересе к личности Пушкина. Это отношение, личное и «задушевное», сопровождает все написанное Гроссманом. И как будто бы публикация его романа должна была прийти ко времени в 1960-е с их требованием стереть хрестоматийный глянец...

Но что нанести на очищенную поверхность? Изображение, которое наносил Гроссман, вызывало возражения, нужно сказать — в достаточной мере убедительные и диктуемые не только стыдливостью советской цензуры. Рецензенты соглашались по поводу как достоинств, так и недостатков романа.

Зелинский об «Арионе»: «В некотором смысле роман В. Гроссмана является художественным <...> комментарием к стихам Пушкина...» (15 февраля 1960 года; II, 448). Удачны «оживленные исторические портреты, лица <...> Политическое брожение и бытовые сцены. Но неприемлемыми кажутся даже не сами изыскания по поводу пушкинских походов, хотя и излишние, а тон и стиль повествования о них “с налетом от французских бульварных романов”» (II, 450).

Книпович придерживается сходного мнения: «...как историко-бытовая хроника роман представляет несомненный и значительный интерес», но не как регистрация «любвей» (II, 453). И со ссылкой на выражение Л. Леонова резюмирует: «...очередной репортаж из-под кровати Пушкина». Хорошо написанный текст в такие моменты звучит «красиво и цветисто».

Автор болезненно реагировал на замечания, но понимал, что без переделки роман не выйдет. Переделывал, жаловался — в первую очередь друзьям, помогавшим ему из Вологды решать московские литературные проблемы: Л. Бать, Д. Постолову. Переписка с ними самая обширная.

Наконец «Арион» напечатан, но без четвертой части, которая год спустя — в 1967-м — увидела свет в Северо-Западном издательстве. Ссылаясь на успех «Ариона», Гроссман предпринимал попытки объединить обе книги и издать роман целиком. Этого сделать не удалось. Не вошел он и в новый двухтомник, в котором составители поставили задачу опубликовать как можно больше неизвестных, архивных материалов. Пушкинская проза представлена невышедшей книгой Гроссмана «Этюды о Пушкине».

В них метод Гроссмана выступает в прежнем сочетании: он комментирует текст, проявляя документальную и бытовую осведомленность в отношении эпохи, ее нравов, обычаев, языка, в этом свете предлагает собственное прочтение, которое неизменно выводит в личное пространство либо автора, либо героя. Это в полной мере относится к двум наиболее пространственным и значительным этюдам: «Пиковая дама» (II, 32–63) и «Евгений Онегин» (II, 78–186), включающий «Заметки на полях “Онегина”».

Германна постигла неудача, поскольку он «обдернулся» в выборе карты, но что это значит (II, 43–44, 54)? Следует подробное изложение правил игры в фараон и объяснение того, почему по комбинации карт получилось, что Германн проиграл. Текст прочитывается под знаком пушкинского эзопова языка — в эпиграфах, в символике карточной игры, согласно которой в повести Германн «обдернулся» дважды — в картах и в любви:

Перед Германном предстали две двери-карты: справа к богатству, слева к любви. Германн выбрал богатство, он не поднялся по витой лестнице, а вошел в темный кабинет. И если довериться символике карточной игры, то его проигрыш был предопределен тем обстоятельством, что дверь к графине была расположена справа (II, 51).

А понтирующий выигрывает картой, лежащейся налево!

Но, по своему обыкновению, Гроссман должен завершить прочтение текста смещением его разгадки в личное пространство, в данном случае пушкинское. Известное пушкинское ночное приключение в доме австрийского посланника. Цель его визита: «Дарья Федоровна Фикельмон, урожденная графиня Гизенгаузен, внучка Кутузова...» (II, 60).

И ввиду этого обстоятельства — вывод о «могучих страстях» и выход на спор с Белинским (ценя великого предшественника, Гроссман любит опровергать его, выбирая в качестве на тот момент «хрестоматийного» мнения):

Белинский ошибся: «Пиковая дама» не анекдот, а великое художественное произведение. Она повествует о великих страстях, о таинственных глубинах человеческой души, неясных самому человеку, и наконец в ней выражено беспощадно правдивое признание поэта в том, что он совершил роковую ошибку, когда избрал для своего счастья проторенный путь (II, 63).

Таков финал с выходом уже в личное пространство пушкинской судьбы с предположением о характере семейной жизни Пушкина, его любви к Наталье Николаевне и ее нелюбви.

Но если вернуться к спору с «хрестоматийным» Белинским и неверностью понимания «личного пространства», то этот спор продолжен и в отношении «Онегина». Текст прочитан как апология героя и обвинение Татьяны... Это не только сегодня политически некорректный ход в отношении феминизма, но и сочтенный таковым и тогда в качестве одного из поводов для второго ареста Гроссмана. Во всяком случае, на одном из допросов он оправдывается (скорее — защищается) по поводу своей идеологически вредной и «антинаучной точки зрения»:

В настоящем понимании романа «Евгений Онегин» основное внимание уделяется трагедии Татьяны, а не Евгения Онегина. Я же считаю, что образ Татьяны идеализирован, что Татьяна как женщина не типична для этого времени и не вполне реальна. Главным образом в этом романе я считаю Евгения Онегина и его социально-обусловленную трагедию. О том, что образ Татьяны не отражает исторической каноничности — я подтверждаю слова S и считаю их правильными... (I, 277)

S — отнюдь не участник научной дискуссии, а слушатель лекции и автор доноса, на который Гроссман и отвечает в ходе длительного допроса 23 июля 1948 года («допрос начат в 13 ч. 35 — окончен в 19 ч. 45»). Все смешалось — ответ на грозное обвинение, желание плыть против «хрестоматийного» течения, которое обусловлено комментированным прочтением романа.

За неверным пониманием романа «авторитеты Чайковского и Белинского — вот две великие силы, затрудняющие постижение подлинного смысла гениального романа, его образов, отношений персонажей, наконец, идейного содержания» (II, 110).

Но есть и третья сила — внутри романа: непонимание Онегина Татьяной. Да, «Татьяна пленилась Онегиным в своей библиотеке, а разочаровалась, когда пришла в его кабинет <...> Онегин — не подражание и, тем более, не пародия, ибо он таков на самом деле. Недаром Пушкин отмечает в нем “неподражательную странность”». Онегин

никому не подражает, не корчит из себя чужака, не надевает маску разочарованного. И если Татьяна судит об Онегине по тем следам,

которые остались на полях прочитанных им книг, то не исключено, что Татьяна и ошибается в толковании этих знаков... (II, 125)

Гроссман гораздо более доверяется способности суждения у Онегина, чем у Татьяны. Даже то, что Онегин в деревне как будто не ответил на любовь Татьяны, — свидетельство в его пользу: он не ответил именно потому, что полюбил и понял, что со стороны Татьяны это не любовь... Вот такой ход размышления в сфере личных отношений.

Да, Онегин проницательно угадал, что из его любви и ее нелюби (и ее признания в нарушение всяческих приличий!) ничего хорошего не выйдет, прежде всего для его чести, которая — окончательное заключение Гроссмана — и есть главная мотивировка всего происходящего. Откровенное пушкинское признание, объясняющее роман, Гроссман находит в цитате: «Пружина чести, наш кумир! / И вот на чем вертится мир».

Таким было личное отношение к Пушкину и таким — личное прочтение его текстов. Интересное и аргументированное в процессе прочтения, не всегда вызывающее согласие, хотя и с уважением к познаниям и проницательности критика.

В «Этюдах» немало острых наблюдений, всегда (по пушкинскому слову) смелых, но не всегда счастливых, то есть убедительных. Тем более в сегодняшнем прочтении, спустя семьдесят лет, когда так много было сделано по пушкинскому поиску, по раскапыванию и комментированию. Гроссман и сам понимал, собирая книгу (так и не вышедшую при его жизни), что многое из нее осталось в прошлом и даже прошлое не может быть полностью восстановлено:

Я стар и не сумею полностью восстановить былых исследований со всей полнотой аргументации, цитат, сносок <...> И все же мне не хочется, чтобы оставались без следа мои наблюдения и мысли о Пушкине... (II, 6)

Биографическое прочтение поэтического текста чревато очевидной опасностью, когда едва ли не каждый троп, каждое поэтическое иносказание кажется скрытым намеком на жизненные обстоятельства. Вот один лишь пример, дающий представление о методе и его издержках, — из «Евгения Онегина». На основании двух беглых цитат, а в сущности — иронических метафор Гроссман делает заключение о том, что отец Онегина был военным, а сам Евгений — участником, если не героем

Наполеоновских войн. Об отце — на основании строки «Служив отлично-благородно»: «Термин “отлично-благородно” заимствован Пушкиным из формуляров». Так писали об офицерах, а о чиновниках — «отлично-хорошо». Отсюда вывод: «отец Онегина был военным» (II, 79).

Аналогично о военном поприще сына на основании другого иронического места: «...хоть он был повеса пылкой, / Но разлюбил он наконец / И брань, и саблю, и свинец». Но не вернее ли понимать эти строки как иронический итог победам Евгения... на любовном поприще? Любовь и война — вечные метафорические спутники. Я уже не говорю о том, что буквальное прочтение в данном случае выламывается из всего, что сказано о «повесе пылком», и заставило бы пересмотреть не раз выверенный (хотя и заново перепроверяемый) «календарь» романа. В соответствии с ним предполагаемая дата рождения героя — 1795–1796 год, а в недавней реконструкции на основе бытовой истории эпохи — 1797-й [Цимбаева 2024: 169], что показывает: Онегин никак не мог по возрасту быть участником Отечественной войны.

Гроссман устремлен к острой афористической характеристике: «Гений Моцарта — это не безделье, а форма труда, недоступная Сальери» (I, 211).

Он был современником и спутником в своих исследованиях великих пушкинистов и был ими оценен. На просьбу поддержать ходатайство о присвоении ему звания профессора в 1946-м откликнулись С. Бонди, Н. Гудзий, Г. Винокур (I, 225–230)... В числе его корреспондентов в более поздние годы — Т. Цявловская...

В Вологде у Гроссмана бывала немногочисленная филологическая молодежь. У «вологодской литературной школы» он не особенно пришелся ко двору. Мне он как-то пожаловался: «Открепили меня от Москвы, даже не спросив, хочу ли я этого...» — то есть от Московской писательской организации, чтобы он стал одним из отцов-основателей Вологодской. «...Сначала ко мне все ходили. А потом перестали».

Наше с Виктором Азриэлевичем общение — уже не семейное, а личное — относится к 1970-м, когда я на несколько лет после окончания МГУ вернулся в Вологду. Я преподавал английский язык и литературу, печатал театральные рецензии, делал передачи на радио о поэтах, связанных с Вологдой. После одной из таких передач мне дома сказали: «Звонил Гроссман, просил перезвонить».

Он предложил мне литературное сотрудничество: писать текст о поэтах вместе, чтобы я его озвучивал на радио. Для начала он дал мне машинопись своей давней лекции об А. К. Толстом. Из этого ничего не вышло, но с тех пор я иногда бывал у него. Подолгу разговаривали; конечно, я больше слушал: о Пушкине из «Этюд», о гимназических годах в Одессе, о Маяковском, о В. Полонской, у которой почти на глазах застрелился Маяковский; потрясенная, она прибежала к жене Гроссмана, актрисе МХТ и ее близкой подруге...

Из дома он уже никуда не выходил, ссылаясь на давнюю агорафобию. Я как-то спросил: «Вы действительно не могли бы даже погулять?» В ответ он рассказал историю болезни, оказалось, зависимую от исторических и бытовых обстоятельств:

Знаете, началось все в революцию. После февраля семнадцатого я был избран от партии эсеров в Московскую думу, но вскоре свалился с испанкой. Проболел несколько месяцев. Слабость ужасная, но попытался впервые выйти на улицу — уже после октября. А там стреляют, летают пули. Тут у меня и началась боязнь пространства, то проходила, то усиливалась. Совсем прошла в лагере. А теперь, представьте, если я буду выходить, то Виктория Борисовна (жена, главный инженер одного из вологодских заводов. — *И. Ш.*) попросит выносить мусор...

Тогда в Вологде с мусором нужно было ждать машину, пока она придет, а это могло и затянуться. Таков был метод Гроссмана — сопрягать быт и историю в один событийный ряд.

А теперь вышел двухтомник с массой интереснейших документальных материалов. То, о чем я знал из устных рассказов, воспоминаний, и многое другое теперь задокументировано в деталях.

Издание достойно напоминает о незаурядном литераторе, а для самой Вологды — значительное событие, продолжившее ряд усилий по возвращению в культурную память человека, десятилетиями оказавшегося связанным с городом. Несколько миниатюрных изданий «Из книги “Этюды о Пушкине”» (тиражом 200 экземпляров) были осуществлены в Вологде в начале 2000-х годов И. Подольным. Но двухтомное издание — это совсем иное дело. Оно потребовало от составителей Л. Солодухиной, главного библиографа Вологодской областной универсальной научной библиотеки имени В. И. Белова, и доцента Вологодского государственного университета Е. Титовой большого труда по сбору материалов, работе в архиве, комментированию текстов.

Можно было бы указать на какие-то неточности, что мне особенно легко сделать в отношении вологодских лет жизни Гроссмана как его младшему современнику и свидетелю некоторых событий.

Есть вопросы к научному аппарату, но сейчас ограничусь тем, что скажу о главном. Сделано очень много по осмыслению личности человека ярко одаренного, по реконструкции его творческой биографии, которую Время безжалостно ломало, вопреки всему сумевшего не только выстоять, но и дважды возвратиться к жизни, к творчеству и Пушкину — к самому себе.

Публикуемый ниже документ показателен для судьбы и характера Виктора Азриэлевича Гроссмана.

Литература

Гроссман В. А. Избранные сочинения. В 2 ч. / Руководитель проекта, автор идеи, сост., ред. Л. Н. Солодухина; науч. ред., коммент., сост. Е. В. Титова. Вологда: Древности Севера, 2023.

Ходасевич В. Колеблемый треножник. М.: Художественная литература, 1991.

Цимбаева Е. «Противоречий очень много» // Вопросы литературы. 2024. № 1. С. 160–179.

References

Grossman, V. (2023). *Selected works (2 parts)*. Ed. by L. Solodukhina and E. Titova. Vologda: Drevnosti Severa. (In Russ.)

Khodasevich, V. (1991). *The shaken tripod*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)

Tsimbaeva, E. (2024). 'Far too much of contradiction' ['Protivorechiy ochen mnogo']. *Voprosy Literature*, 1, pp. 160-179. (In Russ.)